

Двести восемьдесят лет назад, в июле 1731 года в России был учреждён первый кадетский корпус. Система военного образования для подростков мужского пола, готовившая ребят к дальнейшей воинской службе, к получению офицерского звания с тех пор существовала в России вплоть до революционного 1917 года. Вновь вспомнили о кадетских корпусах в годы Великой Отечественной войны, когда 21 августа 1943 года было опубликовано постановление Совета Народных Комиссаров и ЦК РКП(б) о создании Суворовских училищ "...типа старых кадетских корпусов". Алексей Иванович Абрамычев — участник Парада Победы 1945 года, генерал-майор в отставке, был одним из первых суворовцев.

АЛЕКСЕЙ АБРАМЫЧЕВ

“КТО К ЗНАМЕНИ ПРИСЯГАЛ...”

*Кто к знамени присягал единожды,
тот у одного до смерти стоять дол-
жен!*

Пётр I

Пережитое не приемлет нравоучений. Может быть, поэтому, вновь и вновь рассматривая свои немногочисленные фотографии и сохранившиеся письма довоенного времени, я только молчу. Найти даже несколько фотографий тех лет оказалось нелегко. Наша семья много раз переезжала с одного места на другое. Многие безвозвратно утрачено. Я складывал сохранившиеся снимки в альбом, листая ломкие, растрескавшиеся его страницы как придётся, опустошая большие старые конверты, где они хранились в полном беспорядке. В альбоме фотографии отца и его брата в военной форме, мамы с короткой стрижкой в стиле двадцатых годов, деда и красавицы бабушки с великолепными волосами, собранными в пучок на голове. Их никого уже нет...

Мой отец и его брат были военными. Отец начал службу в 1918 году — в кавалерии, его брат — в авиации, в начале 1920-х годов. После их гибели на войне в 1941–42 гг., я впитал в себя убеждение, что высшее проявление благородства человеческого есть воинская доблесть.

Сегодня, глядя на их фотографии, вспоминаю 22 июня 1941 года...

Рано утром мы все — мама, я и отец, находясь в летних военных лагерях (под Москвой, недалеко от Ногинска), были разбужены стуком в дверь. У дома оказался с двумя оседланными лошадьми красноармеец. От него мы узнали о начале войны. Второпях одевшись, не успев попрощаться с нами, отец вышел из дома, огладив, успокоил лошадь, подтянул подпругу и, по-цыгански, взявшись за гриву приведенного ему коня, ловко, без видимого усилия

сразу оказался в седле. И только потом, привстав на стременах, привычно натянул поводья. Конь “дал свечу” и “манежным” галопом унёс отца навсегда из нашей жизни.

Мы его больше не видели... С тех пор прошло 70 лет.

В конце июля после первой бомбежки Москвы нас отправили в эвакуацию под Шадринск, в село Боборыкино. Там 18 сентября 1941 года к нам в дом принесли небольшой конверт со штампом “СССР. Полевая почта № 1672 8.9.41”. Увидев почтальона, мама потеряла сознание. Вскрыв конверт, я прочитал:

“НКО СССР. Управление 229 СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ 8 августа 1941 г.

Извещение

Ваш муж, подполковник Абрамычев Иван Ильич, в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и доблесть, был убит 12.7.41 (правильная дата гибели отца 9.7.41 – **Авт.**). Похоронен деревня Лукты Богшевского района Витебской области. Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии (Приказ НКО СССР).

Начальник штаба дивизии
П-к Пугаев Ст. политрук Бахтин”

К извещению было приложено письмо. Его содержание привожу дословно:

“Фронт, 7.9.41.

Родная! Тяжело писать, но я обязан сказать правду: Ваш муж, мой товарищ, защищая свою Родину, героически пал в бою с германским фашизмом 9 июля в районе д. Речки Витебской области

Дорогой друг! Будь стойка, как патриотка своей Родины, воспитывай своего сына в духе ненависти к врагам нашего народа-героя, Вашего мужа и нас всех, его товарищей.

Крепко жмем Ваши руки, горячо целуем Алика, сына Ивана Ильича. Вы не одна, вся Родина Вам поможет, а мы на фронте за смерть Вашего мужа крепко дали врагу. Только победа над врагом будет ответом за смерть подполковника Абрамычева.

Ещё раз, родная, будь стойка и предана своей Родине.

Майор Сергей Перетрутов

Посылаем ещё мы, бойцы и мы – командиры Вам свой фронтовой привет. Иван Ильич был нашим командиром, с которым мы ходили в атаку на врага. За его смерть, за смерть своего отца-командира, мы уже немало положили гадов-фашистов. А пока до свидания.

Ст. сержант Кубатов. Кр-ц Румянцев. Кр-ц (подпись неразборчива).

Обратный адрес: Действующая армия. Почта полевая № 1672, штаб дивизии”.

Дома остались темляк от отцовской шашки (кожаная петля на эфесе холодного оружия), шпоры и габардиновая гимнастерка с галифе, сохранившие запах коня, табака и тройного одеколона.

После войны, в 1948 году, от генерал-майора А. И. Нерченко (в 1941 году замкомандира 229 сд) мне стало известно, что штаб их дивизии в полном составе попал в окружение под Витебском. Отец погиб 9 июля 1941 года на глазах у Нерченко, прорываясь из окружения вместе с группой командиров и бойцов к своим.

В 1943 году, вернувшись из эвакуации в Москву, мы узнали о гибели моего восемнадцатилетнего двоюродного брата, Андрея (сгорел в танке в сражении под Прохоровкой) и брата отца – Сергея Ильича Абрамычева, командира авиационной дивизии дальнего действия (до 1941 г. руководил в Ейской школе лётчиков обучением “слепому самолётовождению”). К его ученикам относили себя многие лётчики, среди них: отважный полярный лётчик Э. Пусэп (написавший книгу “Тревожное небо”) и легендарная Полина Осипенко.

В юности мы опираемся на то, что нам нравится. Я же, наряду с этим, начитавшись в детстве моих любимых писателей М. Ю. Лермонтова и А. И. Куприна, хотел добавить в свою жизнь то, что ей, на мой взгляд, недоставало: риска и романтики.

Юность моих сверстников и сокурсников по учебе была окружена послевоенной победной атмосферой, связанной с окончанием тяжелейшей войны. Воспитание мы получили в Суворовских военных училищах (СВУ), созданных в 1943 году, – в самый разгар Великой Отечественной войны.

В ходе Московской, Сталинградской и Курской битв окончательно завершилось боевое становление отечественного офицерского корпуса. В связи с этим встал вопрос о преемственности воинских традиций нашего Отечества, закреплённых в боях советского народа против иноземных пришельцев.

Суворовские и Нахимовские училища были задуманы наподобие кадетских корпусов, в которых по традиции воспитывались будущие офицеры русской армии и флота.

Немного истории. Первый Сухопутный шляхетский кадетский корпус возник в России по инициативе кабинет-министра графа П. И. Ягужинского и президента Военной коллегии графа Б. К. Миниха по Высочайшему указу от 29 июля 1731 г.:

“...Дабы шляхетство от малых лет к тому в теории обучены, а потом в практику были годны... учредить Корпус кадетов, состоящий из 200 человек, которых обучать арифметике, геометрии, фортификации, артиллерии, шпажному действию, на лошадях ездить и прочим к воинскому искусству потребным наукам...”

Предписывалось “...упражнять воспитанников в танцовании, вольтижировании и в солдатской экзерциции...”. Создаваемому на Васильевском острове заведению для детей дворян были выделены дворец А. Д. Меншикова и обширная территория, прилегающая к нему. Официальное открытие корпуса состоялось 17 февраля 1732 года.

Екатерина II при посещении корпуса в 1787 году назвала его, на манер престижной английской школы *Narrow School*, “рассадником великих людей”.

В уставе Сухопутного шляхетского кадетского корпуса (с 1756 г. Первого кадетского корпуса) было записано, что воспитание в его стенах “...имеет целью укрепить разум делами и науками, потребными гражданскому судье и воину”. За первые 70 лет существования корпуса было выпущено 3300 воспитанников. В их числе выдающиеся деятели на поприще военной и государственной службы, науки и искусства. Среди них достаточно назвать: георгиевских кавалеров генерал-фельдмаршалов: графа П. А. Румянцева, А. А. Прозоровского и М. М. Каменского; генерала от артиллерии графа А. А. Аракчеева, директора первого русского театра А. П. Сумарокова, чрезвычайного и полномочного посла А. М. Обрескова.

С 1732-го по 1917 гг. в России было создано 32 кадетских корпуса. Многие из кадетов после 1917 года не по своей воле оказались в других странах, но остались патриотами России. Их дети и внуки сохранили традиции своих предков и в настоящее время живут во многих странах мира. В США, Аргентине, Франции и Югославии ими были созданы кадетские корпуса. “Русские кадеты” не потеряли связи со своим Отечеством. В 2007 году в Екатеринбурге состоялся очередной Международный съезд кадетов. 80-летние потомки эмигрантов, закончившие кадетские корпуса, приехали в Суворовское училище. Русский кадет Алексей Ермаков сейчас живёт в Сан-Франциско. В 1945-м закончил Кадетский корпус в югославском городе Белая церковь. Игорь Андрушевич, сын офицера царской армии, сейчас живёт в Аргентине. “За границей из тех, кто учился со мной вместе, – делился своими воспоминаниями Андрушевич, – никто офицером не стал: в кадетском корпусе нас учили только Россию защищать...”

Такова была высокая нравственность русских кадетов.

Начальным этапом в истории создания суворовских военных училищ в СССР стало опубликованное 21 августа. 1943 года Постановление СНК и ЦК РКП(б) № 901 “О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации”, в котором, наряду с другими мерами, было предписано:

“Для устройства, воспитания и обучения детей воинов Красной Армии... , а также детей советских и партийных работников, рабочих и колхозников, по-

гибших от рук немецких оккупантов, организовать... девять суворовских военных училищ типа старых кадетских корпусов по 500 человек в каждом... со сроком обучения 7 лет с закрытым пансионом для воспитанников... Установить, что суворовские военные училища имеют целью подготовить мальчиков к военной службе в офицерском звании и дать им общее среднее образование...”

Мне судьба определила учиться пять лет в Калининском Суворовском военном училище.

Трудно найти мальчишку военной поры, который не мечтал бы носить офицерские погоны. О создании Суворовских военных училищ я узнал, вернувшись в Москву вместе с мамой и родственниками из эвакуации. В редакции “Красной Звезды” мне дали телефон Управления ВУЗ. Получив необходимую информацию, самостоятельно прошёл медицинское обследование и вместе со справкой о гибели отца подал заявление с просьбой о зачислении. Мама узнала о моих действиях после того, как я у неё попросил извещения. Далее произошло событие, чуть не обернувшееся для меня катастрофой. На приемную комиссию я опоздал. Повестка о вызове пролежала в почтовом ящике несколько дней. Я разразился рыданиями. Слава Богу, обошлось. Нас принял начальник управления ВУЗ РККА полковник Морозов. По его указанию меня включили в последнюю группу, отправляющуюся в Калинин.

Постановление СНК и ЦК РКП(б) воплощалось в жизнь в тяжелейшее для страны время – шёл третий год Отечественной войны. Однако уже 1 декабря 1943 года во всех городах пребывания СВУ были размещены в лучших зданиях, обеспечены высококвалифицированным преподавательским составом, необходимым оборудованием и учебно-методическими пособиями.

Первое впечатление от города Калинина – грохочущие трамваи с окнами, забитыми металлическими, изрешечёнными пулями ржавыми листами на фоне аккуратных деревянных крестов немецкого кладбища в центре города, напротив полуразрушенного Екатерининского дворца (в последующем городской библиотеки), тёмные глазницы домов, разбитое полотно дорог.

Оказавшись в 1943 году в Калинин, мы взялись за его уборку: разгружали баржи с углём, расчищали улицы, ремонтировали помещения. Все суворовцы первого набора за участие в восстановлении разрушенного до основания города были награждены медалями “За доблестный труд в период Великой Отечественной войны” и получили удостоверения “Ветеран Великой Отечественной войны”.

На всю жизнь запал в мое сердце этот старинный провинциальный волжский город, ставший родным и уютным после восстановления. Наибольший след в душе и памяти за годы учёбы оставила его атмосфера: непередаваемый дух, обычаи, традиции. Городской сад, кинотеатр “Звёздочка”, река Волга, весенний ледоход и, конечно, Драматический театр навсегда останутся в моём сердце.

Военный 1943 год был ознаменован начавшимся наступлением нашей армии на фронтах. В каждом классе флажками на карте мы ежедневно по сводкам Совинформбюро отмечали движение линии фронта. Каждое утро один из нас перед всем классом зачитывал эту сводку. Слушая её, мы думали о своих родных. И мы были уверены, что в это же самое время они думают о нас. К кому-то из нас приезжали мамы – у кого они были. Мы были счастливы, когда это случалось. Отцов мы не ждали: почти у всех они погибли или воевали.

Военная профессия была престижной. Поэтому, поступив в училище, мы приняли как должное, узнав, что с армией решили связать жизнь многие дети из семей государственных деятелей и известных людей страны (в том числе Сталина, Куйбышева, Орджоникидзе, Хрущёва). Вместе с нами учились: внук Сталина Евгений Джугашвили (его отец Яков Джугашвили погиб в немецком плену); внук Хрущёва (его отец старший лейтенант летчик Леонид Хрущёв не вернулся из боя); сын погибшего от ран Александра Полякова, – автора книги “В тылу врага”; внуки героя гражданской войны Чапаева – братья Чапаевы Виль и Артур.

У большинства моих товарищей отцы погибли. Отец Вити Гастелло, боевой лётчик, погиб в воздушном бою. Валя Корженевский потерял отца, командира Красной Армии, в первые дни войны. У кого отцы были живы – воевали. После окончания КлСВУ Евгений Джугашвили и Виктор Гастелло стали

военными журналистами, Юрий Хрущёв — заслуженным лётчиком-испытателем, Гиви Орджоникидзе, получив генеральское звание, служил на Кубе, Ювеналий Поляков стал дипломатом. Но были и такие, у кого все погибли. У моего товарища Вити Степанова — в последующем военного инженера-ракетчика, родители умерли от голода в блокадном Ленинграде. У Миши Гейзенблосена (он стал танкистом) фашисты убили всех. Женя Дубровский поступил в училище в девятилетнем возрасте. Его родители — отец и мать, отдав двоих сыновей в детский дом, ушли на фронт и не вернулись. Дубровский, закончив училище, проявил себя как учёный. Ему в соавторстве с другими учёными принадлежит научное открытие, на базе которого он защитил диссертацию доктора технических наук.

Среди поступивших были “сыны полков и партизанских отрядов”. Многие из них были отмечены боевыми орденами и медалями. Так, Николай Мищенко был награжден орденом Красной Звезды, Валентин Виноградов, Борис Швед и Юра Заржицкий имели боевые медали.

Калининское суворовское военное училище было размещено в корпусе бывшей духовной семинарии, построенной в начале XX века в стиле древнерусского зодчества. Главный корпус училища, с двумя гауницами у фасада, широкая парадная лестница, вестибюль, украшенный портретом генералиссимуса А. В. Суворова, актовый зал с лозунгом: “Пусть вас в этой войне вдохновит образ наших великих предков — Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!..”, до сих пор стоят перед глазами.

В архитектуре зданий училища, в форме воспитанников были сохранены лучшие традиции русской армии.

Само училище поражало в первую очередь своей функциональностью, сочетавшейся с удобством. В училище было все, что могло быть угодно детской и отроческой душе: учебные классы с огромными окнами и подоконниками метровой ширины, комнаты для отдыха, арочная столовая и прекрасный актовый зал (в обычные дни он использовался как спортивный). Большой стадион, упиравшийся в Волгу, завершал общую картину.

Обучение военному делу началось с физической и строевой подготовки, сочетавшейся с изучением устройства стрелкового оружия, освоением ружейных приёмов, обращением с шашкой в строю и вне строя. С особым интересом мы изучали материальную часть винтовки, автоматов Шпагина и Судаева, ручного и станкового пулемёта Горюнова, пистолета ТТ. В лагерных сборах занимались стрелковой подготовкой. Каждый из нас овладел навыками стрельбы из личного оружия. Воспитанники были влюблены в своих офицеров-воспитателей, в их выправку, манеру носить форму, и во всём подражали им. Например, 1-й взвод первой роты в точности повторял походку старшего лейтенанта Мининкова, 2-й взвод — походку Сицинского, а 1-й взвод второй роты копировал своего любимца старшего лейтенанта Ежова. Строевые приемы с оружием мы выполняли с удовольствием и шиком.

Офицеры-воспитатели, их помощники и преподаватели постоянно заботились, чтобы училище стало родным домом для нас, “подранков лихолетья”. Мы же, лишённые отцов, можно сказать, мужского плеча, нуждались в моральной поддержке своих наставников. Мы читали им письма, которые получали из дома, беседовали с ними по душам. Они стремились узнать, что волнует каждого из нас, к чему мы стремимся.

Вспоминая наших учителей, могу с уверенностью сказать, что в училище работали лучшие в городе педагоги. Этому способствовали льготы, связанные с присвоением им офицерских званий от младшего лейтенанта до капитана: достойное денежное содержание, бесплатный проезд в отпуск, льготное пенсионное обеспечение и продовольственный паёк. Большинство преподавателей пришло к нам в зрелом возрасте из областного педагогического института, получив среднее образование в старое дореволюционное время в гимназии.

На уроках литературы и истории мы с учителями не только переживали, но и проживали жизни наших героев. Например, преподаватель литературы Алексей Михайлович Абрамов, рассказывая о жизни Льва Толстого, подробно знакомил нас с окружающей писателя обстановкой. От него мы узнали о молодости писателя, холостяцких его кутежах, увлечении Толстым в зрелые годы наследием Белинского, сближении с Тургеневым, Анненковым и Боткиным.

Знакомя нас с журнальными статьями того времени, беседуя с нами, Абрамов мог спросить: “Какая реакция могла быть на ту или иную статью у писателя графа Л. Толстого?” Запомнился один из уроков, который был посвящен раскрытию понятия термина “Мирь” в названии романа “Война и Мирь” (в его старом написании) как картины мира в его многообразии и нетленности. . .

Преподаватель истории лейтенант Каминский рассказывал об истоках зарождения кадетских корпусов и создания регулярной армии времён Петра I, его первых потешных полков – зародыше кадетских корпусов, когда дворяне-подростки, закончив училища, получали боевое крещение в пехоте и кавалерии.

Уроки астрономии часто проводились ночью, чтобы лучше познакомиться с изучаемыми в ночном небе созвездиями.

Для расширения гуманитарных знаний мы пользовались городской библиотекой и библиотекой училища, созданной с помощью пединститута. Годом позже в училище стал издаваться литературный альманах с публикацией лучших сочинений воспитанников. По инициативе преподавателей литературы и русского языка М. Г. Трушинской и А. М. Абрамова был организован, с привлечением девочек из 6-й женской городской школы, своеобразный “кадетский театр”, постановки которого пользовались большим успехом, а также организованы обязательные занятия по бальным танцам, музыкальный и художественные кружки. В результате КлСВУ стало не только престижным военным учебным заведением для мальчиков, но превратилось в юношеский центр культурной жизни города.

Вспоминая те годы, с грустью смотрю на теперешние реформированные минобром российские школы, искалеченные ЕГЭ, на потухшие глаза школьных педагогов, с которыми диссонирует всегда бодрое и радостное, холёное и любящее позировать перед телекамерами их министерское руководство.

Наши офицеры-воспитатели, имели, наряду с военным, высшее гражданское, как правило, педагогическое образование. Некоторые из воспитателей закончили ещё до революции кадетские корпуса.

Офицеры воспитывали нас не назиданиями, а своим примером по принципу – “Делай, как я!”. Они в ходе практических занятий пробуждали в подростках такие качества, как Честь, Достоинство, Гордость за принадлежность к когорте российского воинства.

Чтобы нас заинтересовать, занятия по строевой подготовке бывший кадет Толмачёв любил превращать в игру. Иногда, командуя строем, он вместо команды – “Кругом, марш!”, командовал – “Налево кругом, марш!”, как предписывал строевой устав дореволюционной российской армии. Командир 2-й роты подполковник Тверцын – потомственный дворянин. Обращаясь к преподавателю русского языка Трушинской, он говорил: “Ну-с, так вот, Мария Григорьевна”. Ещё одним представителем старого офицерства был полковник Брагин – он командовал соседней ротой. Иногда вместо команды – “Смирно! Товарищи офицеры!” у него вырывалось – “Господа офицеры!” . . .

Отдельно воспитанники выделяли начальника физической подготовки Николая Макаровича Шарлаимова – фаната физкультуры. Его мы не просто уважали, а любили. Нам он отдавал всё своё время. Летом мы много плавали. Зимой он устраивал лыжные походы на большие расстояния. Дисциплина в училище была строгой, быт – спартанским. Каждый день нас заставляли ранним утром до завтрака совершать пробежку по тропинке вокруг училища (километра 2–3 как минимум) летом в майке, зимой – в нижней рубашке, в любую погоду – в снег, в мороз, под дождём. После пробежки – обтирание холодной водой из-под крана до пояса. Если кто не успевал пройти всю процедуру и опаздывал к построению на завтрак, то мог без него и остаться.

Короче говоря, нам с воспитателями и учителями повезло. Они были высокообразованными интеллектуально независимыми личностями и обладали, к удовольствию их воспитанников, чувством юмора. С ними было интересно общаться. Наши наставники учили нас служить делу, а не лицам, отношения с ними были предельно открытыми и доверительными.

Были ли во время обучения конфликты? Конечно, были. В начале обучения были случаи бегства из училища. Почему-то все бегжали на юг. Все беглецы, проверив жизнь на свободе, возвращались. Среди наказаний самым строгим был арест с содержанием в карцере. Посидеть в карцере у мальчишек считалось престижным. Самым позорным наказанием было лишение пра-

ва носить погоны. Ему подвергались (сроком до одного месяца) воспитанники, которые позорили Честь суворовца. За прочие нарушения дисциплины полагался наряд “на работу” или — “внеочередное дежурство”. Помню, как-то группа воспитанников, находясь в летнем лагере, получила наказание от нашего любимца Толмачёва за опоздание в строй — “наряд на работу”. Ребята сочли наказание несправедливым. Они в знак протеста в ходе исполнения наказания (земляных работ на лагерном стрельбище) стали петь революционные песни: “. . . Замучен тяжёлой неволей. . .” и “. . . Вы жертвою пали в борьбе роковой. . .”. О нашей выходке Толмачёв никому не доложил, правда, в дальнейшем он нас не наказывал — мы же не давали повода.

К концу войны в училище прислали для выполнения строительных работ немецких военнопленных, охрана которых была поручена воспитанникам старших классов. Памятуй известный наказ А. В. Суворова: “С пленным быть милосерду. Поражать неприятеля человеколюбием”, — мы, потихоньку от начальства, во время работы подкармливали битых вояк.

В 1944 году училищу был сделан буквально царский подарок. Из Московской Высшей кавалерийской офицерской школы нам привезли строевых лошадей. В плане занятий появилась новая дисциплина — “конная подготовка”. Эти занятия научили нас не только верховой езде, но и привили любовь к этим прекрасным существам. Мне доверили опекать молодую кобылицу по кличке Бешеная. По прошествии многих лет я не забыл нашей подлинной дружбы. Не забыл, как вычищал её копыта. Хотя Бешеной давно нет на свете, но я всё ещё думаю: не обижал ли её хозяин, которому она досталась после меня? Была ли она сыта и напоена? Удобно ли ей было в стойле. . .

Каждое утро мы щётками и скребницами чистили наших лошадок и во время зарядки занимались вольтижировкой. На конной подготовке нас учили верховой езде в седле и без седла, учили управлять лошадью в строю, подавать команды. Самая нелюбимая команда была “бросить стремя!”. До сих пор помню клички наших любимцев.

Участие в послевоенных московских парадах — отдельная тема.

О первомайском параде 1945 года мало известно. К нему были привлечены войска московского гарнизона, военно-учебные заведения и впервые — суворовцы. Ещё продолжалась война. Тренировки к параду начались в марте. Участвовали в этих тренировках воспитанники трёх старших рот. В начале апреля парадный расчёт убыл в Москву. Разместили нас в эвакогоспитале, находившемся в Марьиной роще. Занятия по строевой подготовке проводились на площади Парижской Коммуны (ныне Суворовской) около Театра Красной Армии. Сводный полк суворовцев состоял из двух батальонов — Калининского и Орловского училищ. Первомайский парад состоялся в солнечное утро, накануне взятия нашими войсками Берлина.

Исходное положение сводного полка суворовских училищ было определено против Спасских ворот. Это место стало традиционным для всех последующих парадов с участием суворовцев пока, уже в нынешнее время, одним росчерком пера господин Сердюков не лишил суворовцев этого почётного права, установленного Сталиным в победном 1945 году, чем нанёс травму всем мальчишкам, продолжающим, несмотря ни на что, любить Россию, свои Вооруженные Силы и их традиции.

Принимал первый в стране парад с участием суворовцев начальник Генштаба генерал армии А. И. Антонов, командовал — генерал-полковник П. А. Артемьев (командующий Московским военным округом). Батальон КлСВУ шёл первым под Знаменем училища. Нашему выпуску предстояло участвовать в семи столичных парадах, и всегда калининцы со своим Знаменем возглавляли парадный расчёт суворовцев. Бессменным знаменосцем был Николай Юрьев, правофланговым — Михаил Тупицын. Прошли мы хорошо. Сталин, находящийся на трибуне Мавзолея, увидев полк суворовцев, приветственным жестом руки обратил на нас внимание стоящих рядом с ним на трибуне руководителей. После парада нам была объявлена благодарность в приказе Верховного Главнокомандующего.

О падении Берлина стало известно ещё в Москве вечером 2 мая, при отъезде в Калинин. До Победы оставалась несколько дней. О завершении Великой Отечественной войны мы узнали утром 9 мая. Радость была со “слезами на глазах”. Вспоминая погибших, долю наших близких и военное лихолетье,

в училище почти все плакали. В городе же творилось невообразимое! Всеобщую радость словами передать невозможно.

14 мая в училище поступила телеграмма Управления ВУЗ Наркомата обороны о включении батальона Калининского суворовского военного училища (КлСВУ) в состав Сводного полка суворовцев для участия в Параде Победы 24 июня 1945 года.

Командир Сводного полка СВУ генерал-майор П. А. Ерёмин. Командир 1-го батальона КлСВУ капитан А. А. Абраменко, командиры рот старшие лейтенанты Е. В. Ежов и Н. А. Сицинский. Знаменосец Юрий Николаев, ассистенты Бронислав Кашуба и Борис Швед. Кроме батальона КлСВУ, в состав Сводного полка входили три батальона: Орловского, Тульского и Горьковского СВУ. Всего 800 воспитанников – по 200 в каждом батальоне. В Москве распорядок дня предусматривал шесть часов строевой подготовки: утром, перед обедом и после ужина.

На утренние занятия мы вставали в пять часов. Туалет, лёгкий завтрак (булочка с какао). Через два часа строевой подготовки на площади Коммуны – завтрак, дневной отдых, совмещенный с посещениями театров и музеев столицы. Мы, 12–14-летние мальчишки, впитывали получаемую информацию, как губка впитывает влагу.

Ощущение причастности к великому моменту в жизни Родины делало нас гордыми, радостными и благодарными. Ежедневные тренировки завершились генеральной репетицией. До неё мы не знали, кто будет принимать парад, так как на предыдущих репетициях им командовал генерал-полковник П. А. Артемьев, а принимающим был маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский. И только на последней тренировке стало ясно, что Рокоссовский будет командовать, а Жуков принимать Парад Победы.

Парад Победы был грандиозным зрелищем. Невиданное число маршалов и генералов, Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы, море боевых Знамён... Утром 24 июня 1945 года моросил дождь. До набережной Москвы-реки, откуда мы вышли на место построения войск, на Красную площадь, нас довезла колонна машин. Тысячи москвичей на улицах приветствовали нас на протяжении всего пути следования. В 9 часов утра батальон занял своё место в первом ряду Сводного полка суворовцев, левее фонтана Победы, сооружённого на Лобном месте. Так что нашим правофланговым предстояло мокнуть не только от дождя, но и от брызг фонтана. Слева от нас стоял батальон трофейных знамён с гитлеровскими штандартами. Солдаты этого батальона, сорвав несколько орденов с фашистских полотнищ, передали эти сувениры нам. Мне достался железный крест 1939 года “За взятие Парижа”.

10 часов утра. Почти одновременно с появлением маршала Советского Союза Жукова, который выехал верхом на белом коне из ворот Спасской башни Кремля, последовала команда маршала Рокоссовского: “Парад смирно! Слушай на крраа-ул!”

Отдав рапорт маршалу Жукову, Рокоссовский с кавалерийским шиком вручил ему пакет со строевой запиской. После чего маршал Жуков, сопровождаемый Рокоссовским, направил коня к войскам, расположенным на Красной площади и, поздравив их, приблизился к нашему суворовскому Сводному полку. На приветствие легендарного полководца: “Здравствуйте, суворовцы! Поздравляю вас с Великой Победой нашего народа!” – мы ответили дружным – “Урраа!”.

После объезда войск, сигнала фанфар: “Слушайте все!” и исполнения сводным военным оркестром музыки М. Глинки “Славься...” Жуков произнёс приветственную речь. Затем прозвучал Гимн Советского Союза, сопровождаемый многоорудийным салютом. Парад закончился торжественным прохождением войск.

С парада нас везли на новеньких “студебеккерах”, и расходившиеся по домам москвичи забрасывали суворовцев конфетами и печеньем.

Вместе со мной в одном строю участвовал в парадах Геннадий Силин, племянник маршала Рокоссовского. На следующий день после парада он пригласил своих товарищей по шеренге на квартиру Константина Константиновича Рокоссовского. В то время семья знаменитого маршала жила на улице Горького, недалеко от площади Пушкина. Рокоссовский вышел к нам в простой нательной белой рубашке. Спросил, как мы учимся, где наши близкие.

Перед нашим уходом он тепло попрощался с нами и разрешил на вес попробовать его маршальский мундир с орденами. Мундир был тяжёл и не только от орденов... Он не успел высохнуть. Во время парада шёл дождь. Но дождь, как говорится, к удаче...

Анализируя вековые традиции российского воинства, в свете военных парадов на Красной площади последних лет, которые на глазах ветеранов войны принимает теперешний министр обороны Сердюков, человек штатский, невольно вспоминаю послевоенные парады. Их всегда принимали легендарные военачальники.

Первый выпуск суворовцев состоялся 23 августа 1948 года. Аттестат о среднем образовании получили 36 будущих офицеров.

После каникул мы съехались в последний раз в стены училища, которые для нас стали родными. В последний раз рассматривали в вестибюле портрет А. В. Суворова, написанный, за отсутствием холста, на простой постельной простыне нашим художником – сержантом Стекольниковым. Каждый из нас простался со зданием училища.

Пять лет проведено в его стенах... И что это были за годы!

В последний раз вдыхаем этот воздух. Его запах остался в моей памяти и теперь, спустя много лет: смесь свежего волжского ветра с еле уловимыми запахами ружейной смазки, лыжной мази, ваксы для чистки обуви... Он заполнял наши комнаты – где мы спали, наши классы – в которых мы занимались, коридор, в котором каждый день под звуки горна строились мы на утреннюю зарядку, на смотр, на завтрак, обед и ужин, на прогулку, на вечернюю поверку. Минимум семь построений в день!

Здесь в этом городе, в этом здании мы дружили, мечтали, дрались, ухаживали за девочками, проказничали, скучали по дому, ждали своих родных, у кого они были...

Незадолго до выпуска к нам в училище приехали иностранные корреспонденты, наши союзники по войне 1941–1945 годов, англичане с американцами. В мае 1945 года нам были вручены от них подарки: форменная обувь и касторовое сукно на парадную форму. Теперь обстановка изменилась. Это мы почувствовали по вопросам, которые они нам задавали. В частности, один из корреспондентов спросил у Полякова: “С кем вы собираетесь воевать?”. Тот не растерялся и, не задумываясь, ответил: “С нашими врагами”... Разве я мог тогда, в свои пятнадцать лет, подумать, что через шесть лет мне придётся встретиться с американцами в Корее по разные стороны фронта?..

Порядок прощания с училищем был нам объявлен заранее. Срок и место явки были строго определены.

Курсантскую форму сшили для каждого персонально. В офицерском ателье! Гимнастёрка защитного цвета, галифе – тёмно-синее. Фуражки, для тех, кто ехал в Ленинград, в пехотное училище, были с малиновым околышем. Для танкистов, они ехали в Ульяновск, – из чёрного бархата. У всех погоны обрамлены золотым галуном. Сапоги из яловой кожи тоже были сшиты по ноге. Шинели – из сукна для младшего офицерского состава были пригнаны по фигуре. В новой форме мы выглядели старше. Но как ни шла она нам, суворовская – роднее. С ней жалко было расставаться. Наши чувства переданы в стихе суворовца Бориса Суздальцева:

*Лагеря и парады и Суворова бьют,
Увольнения, наряды — вам в любви признаюсь!
Мы не вечны, конечно, но с тех юных времён
Помнят плечи кадетов тяжесть алых погон.*

Прощание с училищем проходило под Калинином, в летнем лагере на реке Тверце. Наш выпуск был первым в стране. Поэтому в Калинин приехало много журналистов. В том числе из “Огонька”. Они нас снимали в классах и на отдыхе. Даже была снята верховая игра – “бой с султанчиками”. Фотографировал известный на всю страну Дмитрий Бальтерманц. Многие из нас хотели получить фотографию верхом в кавалерийском строю.

Мы все волновались, предстояла Присяга. Нам выдали боевые карабины. Наконец, слышится долгожданная команда: “Училище! В линию взводных колонн, поротно, в колоннах по четыре, становись!”

В считанные минуты бурлящая ребячья ватага обрела сначала размытые контуры, а потом вдруг преобразилась в чёткий рисунок, состоящий из чёрно-белых квадратов, построенных в “каре”. Летняя форма суворовцев – белые гимнастёрки, фуражки в белых чехлах и чёрные брюки “на выпуск” с красными лампасами. Только два квадрата на правом фланге – защитного цвета. Это мы, рота выпускников, и военный оркестр. Несколько в стороне на отдельной площадке стояли приглашённые – пресса, преподаватели, представители власти города. На трибуне – начальник гарнизона города Калинина дважды Герой Советского Союза, герой Сталинградской битвы генерал-лейтенант А. И. Родимцев.

На привычную команду: “Р-рав-ня-яйсь!”, отлаженным движением откликнулись шеренги парадного строя выпускников: наши головы мгновенно повернулись в сторону правофлангового, который, впрочем, не шелохнулся. Только едва уловимо подал корпус вперёд. Но все колонны сразу отследили его движение: сказалась многолетняя выучка предпарадных тренировок. Захватывающая дыхание пауза... И вдруг, хотя её ждали все, команда, рвущая мальчишечье сердце: – “Под Зна-а-мя!!! Смирно! Товарищи офицеры!..” Блеснули клинки шашек офицеров, которые мастерски вскинули их “под высь”.

– Для встречи спра-ава! Слу-ша-ай! На кр-ра-ул!

Рассекая воздух, шашки салютовали вниз. Одновременно за ними последовал дробный удар. Карабины буквально летят вверх и застывают у груди. Чтобы было эффектнее, мы предварительно несколько вывинтили из гнезд шомпола карабинов. Под торжественный марш оркестра, под дробь барабанов вынесено Боевое Знамя училища. Знамя, которое нам было вручено в огненном сорок третьем. В том 1943 году начальник училища генерал-майор В. А. Визжилин после возвращения из госпиталя, в котором он находился по причине тяжёлого ранения, принял Знамя и, приклонив колено, поцеловал его.

В заключение хочется сказать, что синонимом элитного военного образования во всём мире считается обучение мальчиков в учебных заведениях закрытого типа. В них даётся не только образование, но и продуманное воспитание, основанное на опыте поколений и соблюдении проверенных жизнью традиций. В этом смысле подготовка мальчиков в СВУ к военной службе проводилась на базе лучшего отечественного и зарубежного опыта.

По прошествии многих лет мы гордимся своими училищами, их историей и традициями. Сотни воспитанников КлСВУ и сейчас несут нелёгкую службу в войсках у локаторов, на командных пунктах и в боевых рубках, охраняя покой и мирный труд россиян. Многие из них воевали за рубежом в горячих точках. Только через Афганистан прошло более 750 наших выпускников. Среди них губернатор Московской области Герой Советского Союза генерал-полковник Борис Громов и погибший в бою Герой Советского Союза старший лейтенант Владимир Задорожный.

Репутацию Суворовских военных училищ составили, наряду с командующими войсками военных округов Героями Российской Федерации генерал-полковником В. В. Булгаковым и генерал-полковником Г. П. Касперовичем, такие люди, как дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт В. Джанибеков, Герой Российской Федерации министр иностранных дел Российской Федерации (1998–2004 гг.), секретарь Совета Безопасности (2004–2007) доктор исторических наук И. С. Иванов, народный артист РФ Герард Васильев, киносценарист Геннадий Шпаликов. А сколько суворовцев среди начальников штабов главкоматов, заместителей главкомов, учёных и деятелей культуры. Назвать всех просто не представляется возможным.

... В нынешней обстановке, когда тысячи российских мальчишек остались без родителей, разговор о суворовских (нахимовских) военных училищах, военных лицеях и кадетских корпусах как никогда актуален. Военные заведения с закрытым пансионом для воспитанников могли бы стать их домом и спасти сирот от влияния улицы и криминала. Необходимо решение на самом высоком уровне. В “Наказе” Екатерины II о системе образования есть такие слова: “При специальном обучении, должно быть общее воспитание... это дело должно взять в свои руки САМО ГОСУДАРСТВО”. Согласитесь, эти слова актуальны сейчас, как никогда.